

Алексей Притуляк

Иллюстрация Сергея Дергачева

Я люблю тебя, Мелани

Около часа пополудни небольшой крытый тентом грузовичок Kingo выехал за ворота строящегося участка в районе Довье и, загудев электродвигателем, двинулся в сторону шоссе. В кузове, схваченный тросами, застыл ящик, полный гвоздей, металлелома и битых бутылок. В куче этого хлама притихли полтора килограмма взрывчатки SuperB.

Отразив капотом по-августовски флегматичного солнечного зайца, автомобиль вывернул на большую дорогу и остановился на минуту — водитель копался с плеером, у которого опять отвалились плагини. Рухлядь!

Потом он высунулся в окно, чтобы окинуть взглядом ого-роженный глухим забором участок и покачать головой каким-то своим мыслям. Хмыкнул и двинулся в сторону города.

Это был самый обычный китайский грузовичок, какие сотнями снуют по улицам с утра до вечера, развозя товар по магазинчикам, лавчонкам и забегаловкам. Поэтому полицейский пост на въезде в город не обратил на него никакого внимания.

Мишель быстро определил, что это RADOS — специализированная операционная система реального времени. Программист и хакер с тринадцатилетним стажем, он уже сталкивался с такой штукой, но подобные системы никогда его особо не интересовали: они обычно используются там, где требуется контроль над кучей периферии; ничего интересного, пока не знаешь, что обслуживает операционка — полицейское управление, атомную электростанцию или испытательный полигон. Как бы то ни было, хорошо, что он заполучил в свое распоряжение машину на подобной системе — устойчивость, быстродействие и гибкость ему обеспечены.

Он проверил периферию. Похоже, к компьютеру были подключены пара мониторов и десяток каких-нибудь датчиков — неинтересно. Где-то, разумеется, есть сервер, собирающий информацию с клиентов, подобных этому. Выйти на него с такого клиента, пожалуй, нельзя, но Мишель всегда исходил из принципа «возможно все, пока не доказано обратное». Благо, в стандартной поставке RADOS имеется интерпретатор с языка Scheme.

Мишель набросал небольшую программку, которая подберет нужную комбинацию данных для обращения к серверу. Скрипту довольно быстро удалось нащупать нужную комбинацию и сформировать запрос. Сервер отозвался и разрешил доступ в локальную сеть. Легкость получения доступа убедила Мишеля в том, что его клиент — маловажная персона, никому и в голову не приходила необходимость защитить его от управления извне, а место его работы — не атомная электростанция и даже не захудалый полицейский участок, а что-нибудь вроде школы. Эдакий старый замученный Conrad-700 в кабинете физики или химии — бедолага, которому никакая защита не снилась и в самом сладком сне и чья жизнь закончится во время показа очередного химического фокуса десятку вундеркиндов, когда он засбоит и перепутает водород с кислородом...

Но нет, похоже, это не школа, а что-то более серьезное, судя по размаху локальной сети, которую ему не удалось охватить одним взглядом. Тем не менее наладчиков системы ее внутренняя безопасность, кажется, не волновала. Как будто никакая секретная информация не обращалась в этих потоках битов; не скрывались в океане байтов замаскированные рифы баз данных, на его дне не хранили свои тайны затонувшие корабли секретных депеш, не сторожили их диковинные монстры глубин в виде защитных модулей, не сиял во тьме одинокий маяк супервайзера. И это хорошо.

А главное, у сервера был выход в глобальную сеть, во внешний мир. А когда есть выход, что еще нужно! Мурлыча «Братец Жак», он толкнул эту дверь.

Женевьева выключила компьютер. Подошла к окну и долго смотрела на улицу, на дома напротив, редких прохожих, летнее кафе на углу Камю. Вздохнула, отхлебнула давно остывшего кофе, поморщилась.

День выдался хороший, теплый августовский день. Скоро придет сентябрь, еще немного побалуует солнцем, а потом зарядят дожди по неделе, и с моря будет дуть промозглый ветер.

— Мелани, — окликнула она, — ты не забыла, что мы должны ехать?

— Не забыла, мамочка, — отозвался жизнерадостный голосок. — Я уже иду.

Шесть лет, господи, ей уже шесть лет! Или еще только шесть? Ну это как посмотреть. Это как со стаканом, который то ли наполовину пуст, то ли наполовину полон.

Что же делать, как жить дальше? Нет, она не ропщет, не жалуется — что толку жаловаться... Разумеется, она положит жизнь на то, чтобы Мелани выросла из нежной веселой попрыгуньи в разумную, приспособленную к этому непростому миру взрослую женщину, но... Ах, Мишель, Мишель, как ты мог?!

— Готова? — улыбнулась она навстречу дочери.

— Мама, а можно, я расскажу Пьеру про Мюэтту?

— Пьеру? Пьер — это?..

— Ну ты же помнишь, мамочка, не притворяйся! — возмутилась Мелани.

— Ах, Пьер! — улыбнулась Женевьева. — Ну конечно, помню. Только давай поговорим об этом, когда вернемся, хорошо?

- Ага.
- Как ты сказала?
- Да.

Когда дочка устроилась на заднем сиденье их маленькой машины, Женевьева проследила за тем, чтобы она хорошенько пристегнула ремень. Потом посмотрела на себя в зеркало заднего вида. И надела черные очки.

— Ну ладно, поехали, детка... Сначала где-нибудь перекусим.

Водитель Kingo прикурил сигарету и глубоко, с удовольствием затянулся. Смотри, как разошелся день! А ведь утро не предвещало ничего подобного, обычное пыльное утро. Но потом этот звонок... Двести франков за полтора часа работы — нормально, а? Нормально, ребята, очень даже ничего!

Шумно и со вкусом выпустив из легких дым, чувствуя, как жизнерадостно зачастило сердце, он увеличил звук в проигрывателе и прибавил газу. Теперь до города он будет ехать по прямой. Домчит в мгновение ока, под свой любимый Deer Purple. Заказчик с денежками будет ждать в кафе напротив «Этуаль». Если не будет, надо постоять, он подъедет самое позднее в четверть третьего. И привезет две сотни...

Жизнь хороша, ребята! Ух, насколько она бывает хороша!

Базу данных своего провайдера он взломал давно, еще когда искал того идиота, что изводил Женевьеву похабными письмами. Теперь ему надо было лишь найти в базе Мелани и подключиться к порту, на котором сидел управляющий бот. Нет, он, конечно, не следил исподтишка за дочерью, глупости, но он должен быть на всякий случай уверен, что всегда получит доступ к ее компьютеру в случае необходимости.

Бот отозвался на запрос, предоставил Мишелю права администратора, показал системные тесты, открыл доступ к аудио-видео. И он вдруг увидел лицо дочери. Мелани смотрела прямо на него. Разумеется, она смотрела не на него, а в видеокamera, но от неожиданности он чуть не вздрогнул.

— ... однако король Жан-Луи не узнал об этом, потому что заболел и ушел лечиться, — услышал он конец фразы. Наверное, дочка общалась с кем-то. Или делала запись для видеоблога. В свои шесть лет она много чего могла и хотела сказать миру... Этот человек...

Мишель улыбнулся, чувствуя, как щемит сердце от нежности.

— Мелани, — услышал он голос жены из другой комнаты, — ты не забыла, что мы должны ехать?

— Не забыла, мамочка, — отозвалась дочь. — Я уже иду.

Она закрыла окно записи и устремила к выходу. Остановилась на минутку у зеркала, чтобы пробежаться щеткой по волосам и с комично-взрослой женской серьезностью оглядеть свое отражение. Потом, прежде чем Мишель успел взять управление видеовыводом, вернулась к компьютеру и коснулась сенсора «сна». Изображение пропало, исчезло соединение.

Ладно, хорошо, можно попробовать зайти на компьютер жены. Но там он не ставил своего бота и самолично настроивал защиту, так что все, что он сможет получить, — это пару пинков под зад.

На то, чтобы найти в базе данных Женевьеву, ушло несколько секунд. Ее компьютер был не в Сети. Ну разумеется, жена его — человек ответственный, она не оставит железяку включенной, если отправляется дальше входной двери. Ну а в кого Мелани, я вас спрашиваю?

Зато в Сети был другой, странным образом имевший в базе данных тот же самый ID, что и компьютер Женевьевы... И что бы это значило?.. А это значит, что некто выходит в Сеть так, чтобы об этом не знали. Или это кто-то из работников компании тайно выделяет родственнику линию, бесплатную, разумеется. Или еще что-нибудь, но в любом случае это нехорошо. Однако это не его, не Мишеля, дело, верно?..

Зависит от точки зрения...

Он скачал из своего облака любимый сниффер, перехватил последний пакет данных, отправленный скрытым компьютером в Сеть. Когда немного погодя на выходе появился файл дешифровки, он открыл его и присвистнул. Текст состоял из червяков и закорючек арабской вязи.

Переводчик разобрался с посланием немного по-своему, конечно, но в целом понятно: «Все сделано, брат. Машина сейчас поехать и там синий шатер занесение «Гала». 14:00 улица Медлин 42 подтвердить следует (непереведенные закорючки) их постигнет. Бог на все милостивый, брат, радость мне!»

«Медлин» — это Мадлен, надо полагать. Улица, которая... Так, а где эта улица? Где-то же рядом с домом.

Он открыл карту, нашел улицу Мадлен. Нет, не рядом, но и не так далеко — в шести перекрестках от его дома на запад. Не самая значительная улица, и под номером 42 ничего особенного — арена «Этуаль». Ну и чему же так радуется неведомый отправитель? Что его братишка успеет на концерт классической музыки? Или что у нас там сегодня в «Этуаль»?..

Интернет-афиша сообщила, что сегодня в «Этуаль» состоится митинг и траурные мероприятия, посвященные Дню поминовения жертв терроризма. Вот как... Братья хотят помянуть погибших в терактах? В это слабо верится. Так чего же они хотят?

Мишель отыскал в базе хост, которому «брат» отправлял пакет, и передал его данные геолокатору. Выяснилось, что компьютер расположен где-то в Довье — южный пригород, район нежилой, в основном склады, мелкие заводики, подстанция. Просканировал его порты. Один из них прослушивался какой-то службой. На запрос служба выдала подпись операционной системы, в среде которой вертелась. Бог ты мой! Это была версия Linux образца шестидесятилетней давности, а служба представилась как DTH. Если только это не уловка, конечно, ведь как дешево и сердито: в мире, где все давно вертится на монстрах вроде HeliOS и Dignity, походи найди человека, который знал бы уязвимости, имевшиеся в подобном раритете! Мишелю они тоже были неведомы. Но он, разумеется, знал, где искать информацию, а потому снарядил поискового робота.

Найденный роботом взломщик отработал быстро — он раскачал DTH, подобрал ключ, получил права администратора. Тогда Мишель поставил на хост своего бота, подключился к открытому им порту и принялся копаться в файловой системе.

Файлы, хранящиеся на диске, были бы крайне интересны спецслужбам: вот бородатые люди в черном что-то

взрывают, вот они казнят заложников, произносят речи и лозунги на арабском, обстреливают полицейские посты...

Он снова открыл карту. Куда бы ни поехала Женевьева, но, если она направляется в центр, ей не миновать улицы Мадлен. На часах сервера 13:12. Надо успеть до двух.

Он прошелся по карте до западного конца Мадлен. Выяснил, что из южных пригородов на нее можно попасть только с Гонкур или с Рю-де-Кавайон. Коль скоро машина едет из Довье, то вряд ли она отправится на Кавайон — это лишний крюк плюс мост, перед которым вечная пробка. Значит, остается Гонкур. Они не должны доехать до перекрестка у Мадлен, не должны! И Мишель уже знал, как их остановить.

Он принялся высчитывать кратчайший маршрут от Довье до Гонкур, прикидывая, в каком месте можно было бы затормозить повозку смерти. Определившись, закрыл карту и отправился в городскую подсеть.

С оператором связи пришлось повозиться. Но в конце концов он добился от него правды. Послать сообщение на номер Женевьевы было делом техники: «Жени, не езжай по улице Мадлен! В два часа там будет теракт. Целую. Мишель». Это на всякий случай. Если ему не удастся остановить смерть.

Водитель грузовичка Kingo под синим тентом с белым росчерком «Gala» на боку остановился у летнего кафе на Сен-Мартен. В график он укладывается, так что выпить чашку эспрессо и съесть гамбургер сам бог велел.

Когда он вернулся к грузовику, рядом стояла полицейская машина. Сержант присел у заднего колеса и заглядывал под кузов.

— Ваша машина, мсье? — спросил он, когда водитель с недоодеанным бутербродом в руке подошел и встал рядом.

— Моя.

— А собака?

— Чего?

— Собака тоже ваша?

Водитель опустил на корточки рядом с полицейским и увидел белую псину, лежащую под задним мостом.

— Привет, парень, — сказал он псу. И полицейскому: — Нет, это не мой.

— Вы могли его задавить.

Шофер пожал плечами. Потом присвистнул и поманил собаку бутербродом. Белый пес недоверчиво вильнул хвостом и, прижав уши, стал выбираться из-под машины на запах котлеты.

— Порядок, — сказал шофер, наблюдая, как дворняга управляется с бутербродом.

— Счастливого пути, — кивнул сержант.

Телефон Женевьевыбрякнул, подавая из сумочки сигнал о прибытии сообщения. Но она как раз посылала проклятия на голову какого-то лихача, подрезавшего ее за минуту до поворота, и потому не услышала призыва. А Мелани задремала.

Как и следовало ожидать, в сети муниципалитета над защитой потрудились хорошо. Но, даст бог, не настолько хорошо, чтобы остановить его «Скворца», как он назвал собственноручно написанный взломщик. Почему «Скворец»? Да потому что... Черт, нет, правда, а

почему «Скворец»? Он не помнил. Забыл начисто и только чувствовал, знал, что с этим связано что-то очень близкое и забавное. Скворец... Скворец... Ладно, к черту, потом.

Когда защитные бастионы сети муниципалитета дрогнули и пали, Мишель удовлетворенно вздохнул. Теперь — в подсеть дорожно-транспортного управления. Только бы успеть до двух!

Здесь «Скворец» работал медленно, непозволительно медленно. Сеть была большой, а защита, видимо, серьезной, и взломщику не хватало системных ресурсов. Мишель отключил еще пару процессов, не столь существенных для него сейчас, заблокировал обработку видео. И все равно, чертовски медленно шло дело. 13:34 на часах сервера. Времени остается совсем мало.

Нужно бы отключить в клиенте еще вот эту штуку — процесс, имевший повышенный приоритет и отъедавший львиную долю ресурсов. Мишель не знал и даже предположить не мог, что там висит на этом порту такое важное, но нагрузка на процессор от него шла столь мощная, что бедняга едва не дымился. Мишель не сомневался, что именно через интерфейс этой непонятной штуки он проник в компьютер и что отключать ее вряд ли разумно. У него было железное правило: всегда выходи через ту дверь, в которую вошел. Даже если ты вломился через дымоход камина, будь любезен, удались тем же путем. И не забудь прибраться за собой!

Но ничего не поделаешь, сейчас этим правилом придется пренебречь.

После того как он, заменив обработчики прерываний заглушками, наконец изолировал процесс, что-то изменилось. Он не мог бы сказать, что именно, но... словно между ним и миром опустилось мутное стекло. Будто что-то в нем самом отключилось, изменив образ бытия. Если бы он не был жив, то решил бы, что умер. Будто осталась голая душа, без привычного каркаса из мяса и костей. Подобное ощущение бывало, если просидеть сутки за терминалом, всюсю изматывая мозги.

Он проверил интерфейсы — все продолжало исправно работать. За исключением той штуки, конечно. Ладно, сейчас не до мелочей. Если бы еще так не кружилась голова...

Освобожденные ресурсы были тут же брошены в бой. Пока взломщик пытался разобрать по байтам защиту дорожно-транспортного управления, Мишель искал вход в ближайший к «Этуаль» полицейский участок. Как ни странно, это оказалось проще, и буквально через пять минут он получил права администратора на одном из клиентов 3-го участка городской жандармерии.

Потом и «Скворец» пропел ему свою радостную песнь: готово! готово!

Войдя в систему ДТУ, он первым делом нашел управление сетью светофоров и камер слежения, развешанных чуть не на каждом столбе. Работы было много.

Он переключался с камеры на камеру в районе от Мадлен до южных окраин, выхватывая на мгновение план очередной улицы и, не найдя в потоке машин синего тента, переходил к следующей. Он настолько ушел в работу, что перестал следить за временем и не знал, сколько его минуло, когда наконец увидел цель. Мишель не сомневался, что это был именно он: маленький китайский грузовичок под синим тентом с белой надписью «Gala» бежал по улице Жиронн

к перекрестку с Гонкур. Мишель переключил светофор на перекрестке в режим «красный» для поворота на Гонкур. Перешел на полицейский участок, перехватил управление настенным монитором, показывавшим виды улиц и площадей с двух десятков видеокамер. Наверное, полицейские были немного удивлены, когда узрели вместо привычной картины горящую надпись во всю стену: «14:00 теракт в «Этуаль» ул. Мадлен. Террорист — грузовик номер GH230XT синий тент Gala стоит на светофоре Жиронн-Гонкур».

Если полицейские не будут слишком долго недоумевать, то уложатся минут в восемь — десять.

Д а чтоб тебя! — сказал шофер Kingo через две минуты, видя, что желтый и не думает загораться.

Еще через пять минут некоторые водители принялись сигналить. Какого черта? Что они делают? Кому они шлют свои вопли возмущения? Идиоты!

Иные отчаявшиеся трогались с места и потихоньку, опасливо приближались к перекрестку. Но в последний момент нервы у них сдавали, и они останавливались. А те, кому безостановочно горел зеленый, проносились, счастливы, и, кажется, смотрели на бедолагу с издевкой.

Если он не успеет к заказчику, пеняйте на себя! Плевать он хотел на ваши правила и законы, когда на кону две сотни, понятно? Засуньте ваши светофоры себе... будет цветомузыка.

Когда из улицы Гонкур на перекресток вывернула целая вереница полицейских машин, он удивленно хмыкнул, гадая, какая связь между неполадкой в светофоре и этим представлением.

М ишель не обнаружил машину Женестьева на улице Мадлен. Менял ракурсы и так и этак — ничего. Значит, она вернулась домой, получив его сообщение?

Отыскал камеру, что висела неподалеку от их дома. Видно было плохо, но дом явно выглядел закрытым. Проверил компьютер Мелани — он был выключен. Значит, дома их нет, потому что первое, что делает дочка, вернувшись, — тычет пальчиком в сенсор включения железки.

Тогда он отправился по цепочке видеокамер, переходя с улицы на улицу по пути возможного следования Женестьева. Если бы он знал, куда она отправилась, было бы проще. Беспokoиться в общем-то было не о чем — теракт на Мадлен не состоялся, — но что-то не давало ему покоя.

И наконец, час-полтора спустя, он увидел их. Машина Женестьева стояла у одного из корпусов больницы Маншо. Он совершенно случайно заметил ее, когда уже собрался переключиться на следующий план.

Странно. Зачем они приехали в больницу? Что-нибудь случилось? Что-нибудь с Мелани?

Порыскав по сети муниципалитета, он отыскал сектор больницы, пробрался через брандмауэр и смог войти в систему видеонаблюдения.

Он быстро переключался с камеры на камеру: зал ожидания.. какой-то кабинет... подсобные помещения... пост охраны... коридор... еще коридор... снова коридор... Сколько же тут коридоров!.. Столовая... коридор... Зал отдыха... Коридор...

Вот они! Мелани, держась за руку Женестьева, семенила рядом и с детским любопытством оглядывала белые стены, кушетки, гулявших больных, встречающих медсестер. Жена не поворачивала головы, целеустремленно шагая вперед и, кажется, совсем забыв о дочери. Женестьева женщина... серьезная, скажем так. Иногда он сам не решался лишний раз подойти к ней с каким-нибудь пустяком, а уж если бывал виноват...

Дойдя почти до конца коридора, они повернули в одну из палат. Теперь он не мог их видеть и стал торопливо перебирать видеоточки в поисках нужного плана. Это заняло прилично времени, потому что палат в этом корпусе было больше сотни. Наконец он нашел нужную камеру.

Женестьева и Мелани были там. К ним успел присоединиться человек в белом халате. Интересно, зачем или к кому они пришли?

Он стал плавно менять фокус.

Палата.

Столик... Кушетка... Аппаратура... Кровать, тело на кровати... Ближе...

Ах вот оно что!.. Но... Нет, не может быть! Это сон.

З дравствуй, папочка, — прошептала Мелани, коснувшись белой, как больничная стена, руки Мишеля, что вытянулась поверх покрывала, холодная, как рыба, безжизненная, как и все остальное. — Ты не надумал проснуться? Помнишь, мы договаривались?

Женестьева, усилием железной воли сдерживая слезы, погладила дочь по голове. Наклонилась к мужу, поцеловала уголок бескровных губ. «Милый...» — прошептала она и хотела что-то добавить, то, о чем подумалось по дороге... но слов не было, все слова куда-то подевались.

Случившееся перечеркнуло их с Мишелем жизнь, сделало его исковерканным обломком человека, а ее — вдовой при живом пока, но таком ужасно неживом муже. А ведь их жизнь только начиналась! Да, после рождения Мелани они немного... отдалились друг от друга. Странно, но так бывает. Кого-то рождение детей сближает, кого-то — наоборот.

«Но все равно, ты не имел права попадать в эту аварию, не имел! Ты был наш, ты должен принадлежать мне и Мелани, а не этой... койке, укравшей тебя... на сколько?.. Только бы не навсегда!»

Его брату, вместе с которым они ехали, Жаку, прозванному Скворцом за черный курчавый волос, длинный нос, веселость, пронырливость и умение копировать голоса, повезло еще меньше. Или больше?.. Тоже как посмотреть...

Вошел доктор. Это был не лечащий врач Мишеля, какой-то другой. Она видела его пару раз мельком — холерный, ухоженный, с быстрым взглядом и черными как смоль волосами, наверняка крашеными.

— Доктор Бланшар, — представился он. — Жюль Бланшар. Я должен кое-что сообщить вам, мадам... э-э... мадам Мерсье.

Женестьева кивнула, исподволь разглядывая доктора. Ей нравились ухоженные мужчины, они невольно вызывали

у нее доверие и помогли обрести чувство уверенности в себе, но в докторе было что-то непрочное, поверхностное. Быть может, это обманчивое впечатление. Да, скорей всего.

— Хм... — Доктор, кажется, не знал, как начать. — Хм... Вы помните, мадам, вчера вашему мужу была сделана операция... имплантирован микрочип...

— Все хорошо? — спросила Женевьева.

Что он тянет? Хорошие новости так не сообщают.

— Э... боюсь, не совсем так, мадам. Вашему мужу был имплантирован чип, призванный восстановить разрушенные нейронные связи в мозгу больного, изолировать его личность от травмирующих воспоминаний, видоизменить осознание им себя и... послужить как бы...

— Но он не послужил? — снова перебила Женевьева. Она знала, что с мужчинами нельзя быть напористой и обрывать их речь на полуслове, но ничего не могла с собой поделывать. Ну а что он мяллит?! — Мишель, он... Ему хуже?

— Быть может, вашу очаровательную девочку отправить пока в детскую комнату? Там она сможет поиграть с...

— Нет необходимости, — отрезала Женевьева.

— А... — опешил доктор. — Да, понимаю.

— Мишелю хуже? — повторила она свой вопрос.

— Я очень сожалею, мадам, — проговорил доктор. — Мы сделали все, что в наших силах, но... сегодня, во втором часу дня, по какой-то причине связь между компьютерной системой и чипом, вживленным в мозг больного, была разорвана, управление потеряно и...

— То есть вы хотите сказать, что имеет место техническая ошибка, не врачебная?

— Это абсолютно точно не врачебная ошибка, мадам. — В глазах доктора мелькнула обида, но он быстро ее спрятал. Какое право он имел обижаться на женщину, которой принес такие вести. — Но мы не верим и в техническую неполадку. Компьютеры крайне надежны, они подстраховывают друг друга, специализированный персонал ежедневно тестирует систему. Комплекс стабильно работает уже более двадцати лет, за это время не зарегистрировано ни одного случая отказа или сбоя. Я говорю о всей стране, а не только о нашей больнице. Ни единого сбоя за двадцать лет! И когда произошло отключение некоторых функций чипа, система не подала сигнала тревоги. Все это весьма странно, непостижимо... Я очень сожалею, мадам, поверьте, но это какая-то нелепая случайность. Предстоит длительная работа экспертов с целью выяснения причин. Для нас это тоже удар.

— Да, наверное.

— Мадам...

— Значит... — Женевьева покосилась на Мелани, но дочь, кажется, совершенно не интересовал их взрослый непонятный разговор, она смотрела на Мишеля и что-то нашептывала — быть может, повторяла стишок, заданный ей назавтра, который никак не хотел запоминаться.

И все же фразу Женевьева закончила почти шепотом, приблизив лицо к пахнущему душистым мылом лицу доктора:

— Значит, он умрет?

— Кажется, вы не понимаете, — так же тихо ответил тот. — Дело в том, что биологическая смерть организма —

это лишь окончательная точка. Важно то, что перестал работать мозг. Мозг умер, а номинальное функционирование организма продолжается благодаря системе жизнеобеспечения.

Она посмотрела на то, что было когда-то ее мужем, ее надежным, добрым, жизнелюбивым Мишелем, а теперь стало просто телом с неисправным чипом в голове. Неподвижным телом, по сути уже мертвым. Мозг умер... Значит, человек — это всего лишь мозг? Нет мозга — нет человека? Значит, его любовь к ним — это только случайное сочетание нейронов, токов, клеток серого вещества?.. А как же душа?

— Мадам, я должен... э-э... — Доктор отводил глаза, зачем-то пожимал плечами и нервно двигал руками, совершая бессмысленные жесты — почесывал нос, поправлял безупречную прическу, одергивал халат. — Я должен, мадам, предложить вам подписать согласие... Разумеется, вы можете отказаться, но...

— Согласие?

— На отключение вашего супруга от системы жизнеобеспечения. Таковы правила, мадам и... такова печальная необходимость, поймите. Не сейчас, нет... После того как комиссия закончит подготовку документов, официально зафиксирует факт смерти... Нет смысла поддерживать жизнь тела, когда мозг... Это было бы глумлением, мадам. Надежды нет и...

— Надежды нет?

— Увы, мадам. Поверьте, если бы оставалась хоть какая-то, пусть эфемерная, надежда... По сути, ваш супруг сейчас... он уже не живет — это просто организм, который продолжает функционировать: бьется сердце, работает пищеварительная система, растут волосы, но...

— Я поняла.

— Увы, мадам. Простите. Я знаю, это жестоко, но... Вы не могли бы зайти завтра, чтобы исполнить все формальности? Вы, безусловно, сможете попрощаться и...

— Завтра?.. Завтра... Да, хорошо. — Ее вдруг придавила бесконечная растерянность. Вот она, черта — проведена; все надежды остались по ту сторону, а по эту... только холод и пустота. Завтра. Мишеля добьют завтра.

Женевьева кивнула. Кивнула еще раз. Потом чему-то улыбнулась. Доктор нахмурился — кажется, он опасался за ее разум.

— Да, доктор, завтра, — сказала она, бросила последний взгляд на мужа, повернулась и пошла к выходу — прямая, непреклонная, непостижимая.

— Мама!

Она нервно обернулась.

Мелани с широко раскрытыми глазами указывала в сторону кровати. Женевьева проследила за пальцем дочери. Что? Ничего не измени...

Палец девочки указывал на монитор у кровати Мишеля, тот, где еще минуту назад мелькали разноцветные цифры, диаграммы и шкалы. Теперь экран был черен. Осталось только пульсирующее сердце в углу — то, что показывало частоту сердцебиения. Оно мерцало, билось и увеличивалось, увеличивалось, словно решило заполнить все пространство экрана. А посередине радужно переливалась надпись: «Я люблю тебя, Мелани!»